

Социализм как закономерный этап всемирно-исторического процесса: с позиций концепции цивилизма В.С. Нерсисянца*

В.В. Лапаева

В статье дан анализ разработанной В.С. Нерсисянцем концепции цивилизма (от лат. *civis* – гражданин), обосновывающей возможность некапиталистического варианта правового (т.е. основанного на равенстве в свободе) развития России после социализма. Показано, что концепция цивилизма как нового общественного строя, который мог бы сложиться на базе правовой десоциализации социалистической собственности, гарантирующей каждому гражданину равную долю доходов от капитализации общенародного достояния, является результатом применения гегелевской диалектики к осмыслению опыта реального социализма. Теоретическая возможность новой формы собственности на средства производства – индивидуальной (но не частной, которая по природе своей может быть лишь у некоторых) – и нового типа права (прирожденного и неотчуждаемого права на долю в общей собственности всех граждан страны) открывает перспективы для формирования цивилизма как нового общественного строя, представляющего собой диалектический синтез капитализма и социализма. Обосновывается тезис о том, что в нынешних сложных социально-экономических условиях, порожденных неправовым характером приватизации социалистической собственности, концепция цивилизма может стать ориентиром при заключении «общественного договора» о собственности, способного создать предпосылки для легитимации постсоциалистического общественного устройства на общезначимых началах правовой справедливости.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: социализм, капитализм, цивилизм, частная собственность, индивидуальная собственность, принцип формального равенства, право, свобода, справедливость.

ЛАПАЕВА Валентина Викторовна – доктор юридических наук, главный научный сотрудник Института государства и права РАН, Москва, Россия.

lapaeva07@mail.ru

Статья поступила в редакцию 14 февраля 2018 г.

Цитирование: *Лапаева В.В.* Социализм как закономерный этап всемирно-исторического процесса: с позиций концепции цивилизма В.С. Нерсисянца // Вопросы философии. 2018. № 7. С. 44–56.

В прошлом году Россия отмечала столетие события, которое четверть века назад во многих странах мира называли Великой Октябрьской социалистической революцией. В настоящее время большинство российских политиков и экспертов предпочитают говорить об этом событии как об одном из этапов Русской революции, избегая, таким образом, идеологической маркировки не только Октября 1917 г., но и его исторических последствий. Уже один этот факт является ярким свидетельством идейной и понятийной неопределенности в оценке и осмыслении целой эпохи в развитии России, когда она ценой огромных усилий и жертв практически реализовала комму-

*К восьмидесятилетию со дня рождения академика РАН В.С. Нерсисянца (1938–2005).
©Лапаева В.В., 2018 г.

нистическую идею и в этом всемирно-историческом процессе «была, выражаясь языком Гегеля, носителем мирового духа, исполнителем его поручения» [Нерсесянц 2001, 41]. Столетний юбилей переломного момента в нашей истории прошел весьма скромно. Власть, как кто-то верно заметил, явно не стремилась оживить в обществе воспоминания об «экспроприации экспроприаторов», само общество не проявило заметного интереса к событию вековой давности, а научное сообщество, которое могло бы стать катализатором общественного интереса, отреагировало серией дежурных дискуссий, не отражающих масштабов этого революционного перелома и его значения для прошлого, настоящего и будущего России и мира.

Безразличие со стороны общества вполне понятно: люди в массе своей гораздо больше интересуются заботами сегодняшнего дня. Но наука, которая знает, что «видение настоящего в такой же степени зависит от восприятия прошлого, как от прогнозирования будущего» [Ясперс web], могла бы использовать данный повод для того, чтобы показать обществу эту «связь времен» и дать оценку прошлого и настоящего России с точки зрения тех критериев, которые содержит в себе возможное будущее. А для этого надо «вписать» будущее в общую логику исторического развития и понять его в необходимой «связи с нашим прошлым и настоящим – не только как их отрицание, но и как их порождение и продолжение» [Нерсесянц 1992, 4]. Формирование такого образа будущего страны, выработка на этой основе мировоззренческих ориентиров и стратегических перспектив развития общества, прогнозирование моделей общественного и государственного устройства и т.д. – это функции, прежде всего, социальной философии, а также теоретической социологии, которая, как верно замечено, уже не претендует на полную независимость от философии, вступая с ней в тесное взаимодействие при решении общих задач [Лекторский 2017, 142]. Но именно устремленности в будущее заметно не хватало юбилейным дискуссиям, прошедшим в российском академическом сообществе философов и социологов.

Для философов юбилей революции стал поводом еще раз обратиться к анализу ее духовно-исторических истоков в отечественной философии, порассуждать о феномене революции вообще и о природе русской революции, о ее этике, ее причинах и последствиях и т.д. [Межд. науч. Конф. 2017 web]. Социологи спорили в основном о политических характеристиках Октября, масштабах его влияния на капитализм и в целом на развитие человечества в XX в., его последствиях для самой России и т.д. При этом даже те, кто характеризовал Русскую революцию, породившую социалистическую альтернативу капитализму, как «драйвер эпохи, существенно сдвинувший вектор развития цивилизации», говорили не о возможности коммунистического будущего, а лишь об облагораживающем влиянии социалистического эксперимента на современный капитализм, признавая при этом, что «эксперимент не во всем удался» [Романовский 2017, 24], и по умолчанию принимая капиталистическую перспективу в качестве будущего для страны с социалистическим прошлым. Нельзя сказать, что проблема будущего России не ставилась в ходе обсуждений. Так, были проведены круглые столы по темам: «Российское общество: взгляд в будущее» (журнал «Социс») и «Основания, смыслы, способы социокультурной эволюции России в XXI столетии» (Институт философии РАН). Но и там социологи лишь отмечали необходимость «определиться с будущим», сетовали на отсутствие у власти «ясной стратегии будущего», на то, что «власть намеренно избегает такого разговора с населением для того, чтобы никак себя ничем не связывать», на отсутствие «элит, которые способны предложить и реализовать альтернативную стратегию вывода страны из ситуации кризиса...» и т.п. [Демиденко 2017, 25–43]. А в Институте философии речь шла о методологии социокультурного эволюционизма, о проблемах современной российской модернизации и т.д. [Круглый стол 2017 web]. Вопросы, связанные с выработкой искомой модели постсоциализма и стратегии движения к ней, на этих круглых столах не затрагивались.

Некоторый намек на обозначение перспектив социально-экономического развития России содержится в рассуждении одной из участниц дискуссий о том, что будущее сулит нам «либо передел (в рамках рентной идеологии) получаемых доходов по

всем, кто в этой стране родился, пусть не совсем в равной степени. Либо — конкурентную экономику, и тогда раздел доходов пропорционально личной эффективности» [Демиденко 2017, 33]. Прежде всего надо отметить, что предполагаемые здесь направления развития не являются альтернативными. Ведь под «рентной идеологией» автор не имеет в виду идеологию так называемого рентного капитализма, в котором «сверхвысокие доходы — это, как правило, доходы от собственности (рентные доходы, дивиденды, монопольная прибыль, банковский процент, биржевые спекуляции и т.п.)», полученные путем присвоения того, «...что относится к “общим благам” (природные ресурсы, научные знания, плоды технического прогресса и т.п.)» [Вебер 2015, 97–98]. Речь идет лишь об упомянутой идеологии «передела доходов по всем, кто в этой стране родился, пусть не совсем в равной степени». В процитированном высказывании слышны искаженные отголоски двух разных теоретических подходов к построению моделей социально-экономического развития России и мира. Это разработанная академиком РАН В.С. Нерсисянцем концепция цивилизма как нового общественного строя, в которой обосновывается возможность некапиталистического варианта правового развития России после социализма, и приобретающая все большую популярность на Западе концепция базового основного дохода, которая не выходит за рамки капиталистической парадигмы (и в этом смысле не несет на себе политико-мировоззренческой нагрузки¹), являясь современной трансформацией теории социального государства. В обеих концепциях предлагаемые новации рассматриваются именно как способы сохранения рыночного, т.е. конкурентного, характера экономики в новых исторических условиях.

Концепция цивилизма В.С. Нерсисянца, разработанная в рамках советской и постсоветской философии права, составляет главный предмет анализа данной статьи. Но прежде чем переходить к ней, надо пояснить некоторые принципиальные моменты, связанные с возможностью построения в постсоциалистической России конкурентной рыночной экономики, на которую уповают как сторонники улучшенного социализма, так и их идеологические оппоненты, рассчитывающие на возможность капиталистического развития страны. О конкуренции в российской экономике всерьез можно будет говорить только тогда, когда политическая система обеспечит периодическую ротацию властных элит по итогам демократических выборов. Иначе, как показывает исторический опыт, невозможно создание рыночной экономики, функционирование которой основано на постоянном поиске с помощью демократических механизмов баланса между двумя основными экономическими стратегиями: развитием свободной конкуренции и ее ограничением, необходимым в ситуации, когда логика свободной конкуренции приводит к монополизации экономики. Однако в современной России политическая конкуренция может стать фактором нормального развития рыночной экономики только в условиях достаточной легитимности отношений собственности, сложившихся по итогам проведенной в стране приватизации нашего общего социалистического наследия. В противном случае (в силу причин, о которых речь пойдет далее) любая смена высших эшелонов власти будет чревата масштабным и разрушительным по своим последствиям переделом крупной собственности. Поэтому перспективы создания конкурентной рыночной экономики имеет смысл обсуждать лишь с позиций такой теоретической модели постсоциалистического развития страны, которая предлагает *способ легитимации отношений собственности*. Концепция цивилизма ориентирована в том числе и на решение этой задачи.

Теоретико-методологическую основу данной концепции составляет *либертарно-юридический тип правопонимания*, квинтэссенцией которого является учение о *принципе формального равенства как сущностном принципе права*. При этом принцип формального равенства трактуется В.С. Нерсисянцем как «единство трех подразумевающих друг друга сущностных свойств (характеристик) права — всеобщей равной меры регуляции, свободы и справедливости. ...Присущая праву всеобщая равная мера, — писал он, — это именно равная мера свободы и справедливости, а свобода и справедливость невозможны вне и без равенства (общей равной меры)» [Нерсисянц 2002, 3].

И если в советское время такой подход был нацелен автором прежде всего на критику произвола советской власти, осуществляемого в форме неправового закона, который подавлял *свободу* человека [Круглый стол 1979, 70–71], то в постсоветский период свою главную задачу он видел в разоблачении произвола новой постсоветской власти, проявившегося в нарушении *справедливости* при приватизации социалистической собственности. Вопреки распространенным представлениям о том, что суть происходящих в постсоциалистической России изменений заключается в движении от равенства к свободе, В.С. Нерсесянц утверждал, что свобода без справедливости, гарантирующей формальное (а иного и не бывает) *равенство* в свободе, – это не свобода, а произвол, порождающий элитарные привилегии.

История социализма в своей глубинной основе, писал В.С. Нерсесянц, – это история социалистической собственности, которая может возникнуть и утвердиться только в форме государственной, т.е. «обезличенной, централизованной, отчужденной от конкретных людей, “ничейной”, абстрактно всеобщей собственности» [Нерсесянц 1989, 3]. Но для нормального функционирования собственности, как наглядно показала практика реального социализма, необходимо прямо противоположное – наличие конкретных индивидуальных собственников. Формирование таких собственников в условиях неизбежного кризиса социалистической экономики не может быть делом исключительно государства, поскольку то, что называется государственной собственностью, является, по сути своей, собственностью общенародной. Поэтому с точки зрения права необходимо, чтобы процесс «разгосударствления» социалистической собственности, который одновременно является и «разобобществлением», осуществлялся бы по всеобщему принципу правового равенства и охватывал бы «всех без исключения членов общества» в качестве равных собственников. «Любое другое решение данной проблемы, даже если оно будет многократно одобрено законом и всенародным референдумом, все равно по своей сути будет противоправным и несправедливым» [Там же, 7]. Подготовленный изнурительным опытом социализма «переход от уравниловки к праву, от потребительского имущества к индивидуализированной собственности, приносящей реальные прибыли и доходы, должен быть всеобщим, распространяться на всех членов общества в соответствии с принципом всеобщего правового равенства» [Там же, 11].

Все это было написано В.С. Нерсесянцем и опубликовано в «Вестнике Академии наук СССР» в 1989 г. Еще до ширококомасштабной приватизации автор разглядел в ближайшем будущем начало «борьбы всех против всех» за собственность, по итогам которой общество разделится на меньшинство собственников и большинство тех, кто будет по-прежнему лишен собственности на средства производства. Такое развитие событий «можно предотвратить, – писал он, – лишь признанием и защитой индивидуального права собственности каждого члена советского общества на причитающуюся ему равную (одинаковую для всех граждан) долю общенародного достояния. Поскольку субъектом такой собственности должен быть каждый советский гражданин, ее можно было бы назвать гражданской собственностью» [Там же, 9]. Тогда, в конце перестройки, речь у него шла о модификации социализма (идея нового постсоциалистического строя появилась на несколько лет позднее), однако уже в этой первой публикации по данной теме В.С. Нерсесянцем была обоснована возможность применения к процессам десоциализации общенародной собственности юридической конструкции общей долевой собственности как соединения имущества самостоятельных собственников с сохранением за ними права на их долю от рыночного использования общей собственности. Данная юридическая конструкция предполагает наделение каждого гражданина «правом на то, чтобы не косвенно, не через государственные фонды и общесоциальную политику государства, а прямо и индивидуализированно (скажем, непосредственно из централизованного гражданского финансового фонда) получать равную с другими долю от всех выплат за формы использования объектов общей собственности, т.е. общенародного достояния» [Там же, 10]. Сверх этой долевой собственности допускались бы иные формы частной (личной и групповой) собственности, функционирующие в режиме рыночной экономики. Государству же, ли-

шенному собственности, оставались бы лишь налоги, необходимые для выполнения им общих дел, а граждане таким образом наконец-то получали свободу от властного произвола в сфере экономики.

В 1992 г. В.С. Нерсесянц публикует монографию «Наш путь к праву. От социализма к цивилизму», в которой идея гражданской собственности развивается и конкретизируется им в концепцию нового постсоциалистического общественного строя, получившего название «цивилизм» (от лат. *civis* – гражданин). Обозначая тему этой работы – судьбы права при социализме и после его неизбежного краха, он писал: «Широко распространено представление, будто проблематика, связанная с правом, имеет... второстепенное, побочное значение во всем процессе нашей общественной жизни. Между тем именно в данной проблеме... сконцентрированы все болевые точки нашего прошлого и настоящего, нашего трудного движения к будущему» [Нерсесянц 1992, 4]. Такая оценка обусловлена его пониманием права как равной меры свободы и трактовкой (вслед за Гегелем) диалектики всемирной истории как прогресса в сознании свободы и «в объективации достигнутых степеней свободы в правовых и государственных формах наличного бытия» [Нерсесянц 2006, 615]. Центральный вопрос книги – возможно ли постсоциалистическое право как выражение принципа формального равенства, которое не было бы буржуазным правом, – получает положительный ответ. Обоснованная В.С. Нерсесянцем теоретическая возможность принципиально нового типа прирожденного и неотчуждаемого права (автор называет его цивилитарным), согласно которому «индивиды равны не просто как свободные лица с абстрактной возможностью иметь (или не иметь) собственность, но и как действительные собственники с уже реально приобретенным правом собственности на средства производства» [Нерсесянц 1992, 314], открывает перспективы некапиталистического и вместе с тем правового развития после социализма.

То обстоятельство, что данная перспектива подготовлена именно социализмом, позволяет говорить о закономерности социалистического этапа всемирно-исторического процесса, создающего условия для перехода к цивилизму как новому общественному строю, который «воплощает большую меру свободы людей и выражает более высокую ступень в историческом прогрессе свободы в человеческих отношениях» [Нерсесянц 2001, 31]. Речь идет именно о новом общественном строе, поскольку есть принципиальная разница между обществом с частной собственностью, которой по определению обладают не все (а, как правило, меньшинство, потому что развитие частной собственности ведет к ее концентрации по логике накапливаемого преимущества), и обществом, где каждый имеет долю в собственности на средства производства. Наделение всех граждан индивидуальной собственностью означает «действительное разрешение проблемы отчуждения от собственности и всеобщую гуманизацию отношений собственности» [Нерсесянц 2001, 30], преодолевает антагонизм между собственниками и несобственниками и снимает представленное в частной собственности противоречие между формальным (правовым) равенством и экономическим подчинением, которое «является центральной проблемой всемирно-исторического прогресса равенства, свободы, справедливости» [Нерсесянц 2006, 180–181].

С позиций такого подхода социализм предстает не ошибкой мировой истории, не результатом сочетания разного рода случайностей, удачного заговора и т.п., а способом форсированного (а потому насильственного и кровавого) продвижения по пути исторически обусловленного преодоления частной собственности. *Принцип историзма и логика научного анализа требуют рассматривать социализм в качестве объективно обусловленной стадии диалектического развития общества, суть которой заключается в отрицании капитализма как общественного строя, основанного на частной собственности. В этом смысле социализм – это антикапитализм, т.е. своего рода негативная стадия в развитии мировой истории, подготовившая почву для такого синтеза, который «диалектически “снимает” социализм и вместе с тем преобразует его итоги для единственно возможного и необходимого будущего»* [Там же, 406]. Именно цивилизм с его индивидуализированной собственностью, функционирующей в режиме при-

рожденного и неотчуждаемого права каждого гражданина, реализует в себе диалектический синтез капитализма как общества, основанного на частной собственности (которая по природе своей может быть лишь у некоторых, но не у всех), и социализма, отрицающего частную собственность.

Негативный характер социализма проявляется не только по отношению к частной собственности: поскольку последняя образует собой необходимую основу для свободы и права, то отрицание частной собственности на средства производства включает в себя отрицание права и государства, а значит, и свободы человека, которая возможна лишь в правовой форме, гарантируемой государственно-правовой организацией публичной власти. Именно с тотальным отрицанием всех достижений прошлого, обусловленным негативным характером принципа социализма, писал В.С. Нерсесянц, связанные, в конечном счете, беспрецедентные трудности процесса возникновения и утверждения социалистического строя. Этот промежуточный «негативный» строй «демонстрирует мучительную диалектику исторического прогресса: общество, преодолев ценю огромных жертв предшествующее экономическое неравенство... , застряло на негативной стадии социально-исторического развития» [Нерсесянц 1992, 301].

Само по себе отрицание неравенства не привело и не могло привести к новому «фактическому равенству»: оказалось, что «социализм означает лишь отсутствие экономического неравенства с вытекающей отсюда потребительской уравниловкой» [Там же, 302]. Поэтому главная проблема постсоциализма связана с ответом на вопрос: куда и как можно идти дальше от социалистической собственности «всех вместе и никого в отдельности» — назад, к восстановлению частной собственности или в направлении дальнейшего развития права, свободы и равенства? Движение в сторону права предполагает, прежде всего, правовой подход к преобразованию социалистической собственности, связанный с обеспечением всех граждан равной долей на доходы от капитализации их общего социалистического наследства. А наделение всех такой равной долей собственности означает переход уже не к капитализму, а к цивилизму.

Однако из всех теоретически возможных вариантов преобразования социалистической собственности на практике был избран, судя по всему, наихудший². Анализ этой практики дан В.С. Нерсесянцем в «Манифесте о цивилизме» (2001) и в целом ряде последующих работ. Обосновывая неправовой характер проводимой приватизации, он развивает уже высказанную ранее мысль о том, что в постсоциалистической стране в принципе невозможна правовая приватизация (т.е. разгосударствление собственности путем передачи ее частным лицам на началах права), поскольку социалистическое государство в лице партийно-государственной номенклатуры не было собственником в правовом и экономическом смыслах этого понятия. Именно в ходе так называемого разгосударствления путем приватизации была изменена природа социалистической собственности, и она впервые была огосударствлена в том смысле, что у государства появилось право владения, пользования и распоряжения определенными объектами прежней общенародной собственности. «И только с помощью приватизации (и, следовательно, признания частной собственности и допущения неопределенного множества частных собственников), — подчеркивал В.С. Нерсесянц, — постсоветское государство как раз создало экономико-правовые условия, необходимые для самоутверждения в качестве настоящего собственника» [Нерсесянц 2001, 46]. Таким образом, сначала коммунистическая власть убедила всех, что государство — собственник общенародного достояния, а затем посткоммунистическая власть внедрила в общественное сознание представление о том, что она вправе передать эту собственность отдельным гражданам по своему усмотрению³.

Неизбежным следствием присвоения государством (а фактически классом чиновников) права распоряжаться нашим общим социалистическим наследством стало сложившееся по итогам приватизации слияние власти и собственности, которое обычно смешивают с рядовой коррупцией. Этот неофеодальный по своей природе симбиоз предопределил нелегитимность крупной собственности со всеми вытекаю-

щими отсюда деформациями социально-экономических и политико-правовых отношений [Лапаева 2016, 66–77]. Таким образом, жизнь показала, что крах социализма вовсе не гарантирует возврата к капитализму даже в его прежней, еще неразвитой форме. Вместо капиталистического рынка и имманентной ему правовой демократии страна попала в «сверхновую феодальную туманность» [Нерсисянц 2001, 48], где «рука власти настолько зримо и заинтересованно управляет... отношениями собственности, что до невидимой руки свободного рынка – целая эпоха» [Там же, 51].

Чтобы выбраться на правовой путь развития, необходимо заключить общественный договор о собственности, который основывался бы на результатах широкого и максимально откровенного обсуждения вопросов, связанных с определением: а) объема и форм компенсации за неправомерную приватизацию; 2) порядка и форм использования полученных средств в рамках фонда общей гражданской собственности и 3) процедур социального контроля за их использованием. Это должно быть правовое соглашение между основными социально-политическими силами – гражданами, лишенными собственности на средства производства, крупными собственниками, получившими собственность благодаря государству, и государством. За такой общественный договор, писал В.С. Нерсисянц, надо честно заплатить реальную цену, которая может быть принята обществом в качестве «платы за социальную легитимацию и всеобщую амнистию всех форм сложившейся собственности и их открытого, легального существования и функционирования внутри и вне страны» [Там же, 58].

В противном случае «общество с социалистическим прошлым, даже не подозревающее о возможности цивилизма, но хорошо знающее, что его обделили» [Там же, 57], рано или поздно резко качнется влево – в сторону коммунистической контрреформы. Вернувшись на время в доприватизационную ситуацию, российское общество, «измученное и социализмом, и доморожденным нефеодалным капитализмом, видимо, созреет, наконец-то, и до цивилизма» [Там же, 58]. К сожалению, столь тщательный способ развития по модели реформа – контрреформа является для России традиционным: в своем стремлении к модернизации российское общество уже не раз осуществляло резкие «повороты в системе ценностей, периодические попытки повернуться спиной к своему вчерашнему опыту, к своим царям и вождям, с тем чтобы то ли прорваться к будущему, то ли вернуться к позавчерашнему дню...» [Ахизер 1997, 42].

В.С. Нерсисянц немало сделал для популяризации идеи цивилизма⁴. Однако концепция не была воспринята ни обществом в целом, ни научным сообществом. Отечественные и зарубежные либералы сочли эту концепцию новой версией эгалитаризма социалистического толка. См. [Четвернин 2009, 40]. Приверженцы коммунистической идеологии, напротив, разошлись с цивилизмом в вопросе о сохранении частной собственности и порождаемой ею дифференциации в распределении социальных благ. Основная же масса читателей не приняла в концепции цивилизма ее претензию на универсализм и ее идеологическую составляющую (В.С. Нерсисянц трактовал цивилизм как национальную идею России)⁵.

Что же касается научного сообщества, то обращает на себя внимание явное нежелание обсуждать не только проблему справедливости преобразования социалистической собственности, но и проблематику справедливости в целом. Показательно, что «в течение 1991–2000 гг. в изданиях, включенных в электронный ресурс EastView, появилось всего 5 публикаций, содержащих в названии слово “справедливость”. В следующие десять лет (2001–2010 гг.) их было уже 80 (<http://online.eastview.com/index.jsp>). Впрочем, это число много меньше количества соответствующих публикаций за рубежом. В англоязычных журналах по философии, социологии, психологии и религиоведению количество статей, имеющих в названии слово “справедливость (justice, fairness, equity)” в 2001–2010 гг. достигло 2317 (почти в 30 раз больше, чем за тот же период в России)» [Урнов 2012, 72]. В последние годы ситуация меняется, хотя и не кардинально. И это при том, что «в российском массовом сознании запрос на справедливость очень велик» [Там же].

Причины, по которым наше обществоведение не стремится откликнуться на явно выраженный социальный запрос, сами по себе интересны и требуют отдельного анализа. Не претендуя на такой анализ, отмечу лишь, что здесь, по-видимому, сыграла свою роль накопившаяся усталость от диктата догматического марксизма, породившая представления о том, что понятия «капитализм» и «социализм» уже устарели и не адекватны сложностям современного мира. Однако за этими понятиями стоят очень простые и потому трудно оспоримые идеи: 1) есть принципиальное различие между обществом, основанным на частной собственности (которое в его наиболее развитом виде представлено именно капитализмом), и обществом, отрицающим частную собственность (что характерно для теории и практики социализма), и 2) это различие имеет существенное значение для социально-экономической и политико-правовой сфер общественной жизни. А отсутствие должного внимания научного сообщества к очевидной несправедливости социально-экономической системы, сложившейся по итогам приватизации социалистической собственности, и к обусловленным ею деформациям политико-правовых отношений вызвано, скорее всего, убеждением в том, что социализм (как коммунистическая идея и/или как практика ее реализации) – это историческая ошибка.

Те, кто считает ошибочной саму коммунистическую идею, очевидно, полагают, что последствия ее воплощения в жизнь надо преодолеть как можно быстрее и любыми способами. При этом несправедливость таких способов нередко оправдывают ссылками на К. Маркса, красочно описавшего роль насилия в процессе первоначального накопления капитала. Но есть принципиальная разница между растянувшимся на века формированием крупной капиталистической собственности и одномоментным по историческим меркам присвоением немногими самых лакомых кусков огромного социалистического наследства. Но дело не только и даже не столько в сроках преобразований и масштабах объектов присваиваемой собственности, сколько в том, что эти процессы происходили в рамках разной исторической логики. В ходе первоначального накопления капитала в Западной Европе помимо экспроприации непосредственных производителей, совершаемой «с самым беспощадным вандализмом и под давлением самых подлых, самых грязных, самых мелочных и самых бешеных страстей» [Маркс, Энгельс 1955, 771–772], было и другое, а именно – движение от феодализма с его сословными перегородками и привилегиями к формально-правовому равенству перед общим для всех законом. При всей ограниченности подобной справедливости, основанной на принципе естественного отбора, она находилась в русле внутренней логики всемирно-исторического прогресса свободы и равенства. В России же дележ социалистического наследства осуществлялся в прямо противоположной исторической логике и не работал даже принцип естественного отбора, ориентированный на деловые и личностные качества бенефициаров приватизации.

Другая группа специалистов – те, кто уверен, что реальный социализм искажил великую коммунистическую идею, должны быть деморализованы крушением претензий России на осуществление самостоятельного проекта справедливого общественного устройства, представляющего общечеловеческое значение. Несколько поколений наших соотечественников выдерживали колоссальное напряжение тотального отчуждения от собственности, права и свободы только потому, что были воодушевлены возможностью построения справедливого общества. Обесценение их усилий означает «историческую дисквалификацию России – и на прошлое, и на все оставшееся будущее. Если... Россия почти весь XX в., т.е. в эпоху ее максимальной всемирно-исторической активности и значимости, по ошибке или по иному ущербному основанию вела себя и других в тупик, то на какую будущность она может в таком случае рассчитывать?» [Нерсисянц 2001, 44]. Нежелание ставить подобные вопросы ввиду отсутствия приемлемых ответов на них гасит научный интерес к этой наиболее актуальной и значимой проблематике современного российского обществоведения.

После проведенной в 1990-е гг. широкомасштабной приватизации, неправоовой характер которой был усугублен откровенно криминальными залоговыми аукциона-

ми⁶, В.С. Нерсисянц полагал, что идея цивилизма в той или иной форме (например, в форме права каждого иметь определенную долю собственности на общепланетарные ресурсы) будет воспринята, скорее, на Западе, когда факт ограниченности жизненно важных для человечества ресурсов встанет перед ним со всей своей остротой. Ведь для реализации этой идеи не принципиально, являются ли объекты общей собственности заводами, построенными в советское время, богатствами недр или воздухом, которым дышат все жители планеты. Кстати, как отмечает В.Д. Зорькин, мировой финансово-экономический кризис 2008 г. и последующих годов наглядно продемонстрировал, что «чрезмерная концентрация собственности в руках отдельных закрытых политических, экономических и чисто мафиозных структур, действующих в ущерб интересам большинства населения государств мира, становится слишком опасной, уже создал некоторые предпосылки для восприятия идей цивилизма» [Зорькин 2010, 342]. В этом же направлении развивается сейчас концепция основного базового дохода и практика ее реализации. И если формирующийся социальный класс, за которым уже утвердилось название «прекариат», осознает себя как класс и не захочет довольствоваться государственной благотворительностью в форме гарантируемого минимума средств к существованию, то он заявит свои права на справедливую долю от общепланетарных ресурсов.

Тем не менее концепция цивилизма не осталась незамеченной в России: она, как минимум, облегчила появление и обоснование предложений о разработке механизмов реализации прав собственности государства и общества на природные ресурсы (и, в частности, о введении для граждан персональных счетов, куда должны поступать средства от продажи природных ресурсов, к чему призывает сейчас Г. Явлинский), о наделении пенсионеров акциями нефтегазовых корпораций и т.п. Правда, с точки зрения идеи цивилизма перечисленные подходы – это лишь способы частичного снятия социального напряжения, вызванного несправедливостью приватизации, которые не решают проблему в целом, но лишь облегчают движение постсоциалистического общества в неверном направлении. Значительно ближе к ключевым положениям концепции цивилизма была так называемая программа «антиваучер», предложенная несколько лет назад депутатом Государственной Думы РФ А. Исаевым и главой Федерации независимых профсоюзов России М. Шмаковым. Оставляя в стороне ряд спорных деталей, добавленных к идее В.С. Нерсисянца, отмечу главное: речь идет о создании фонда общей собственности на все социалистическое наследство, из которого каждый гражданин будет получать равную с другими долю доходов от капитализации данной собственности.

Это предложение, оторванное от философско-правового контекста концепции цивилизма, по-прежнему не вызвало интереса ни в обществе, ни в научном сообществе, а СМИ поспешили объявить, что в РАН идею «назвали утопией». В данной связи хотелось бы отметить несколько моментов. Прежде всего, концепция цивилизма, в которой идея создания фонда общей собственности получила теоретическое обоснование, имеет никак не меньшее отношение к РАН, чем упомянутые слова. И дело не только в том, что В.С. Нерсисянц завершил разработку концепции, будучи уже академиком: баллотировавшись в члены-корреспонденты РАН в 1994 г., свой доклад на Отделении философии и права он сделал именно по цивилизму, и в этом смысле можно сказать, что его концепция получила одобрение со стороны РАН. Другой, более важный момент, заключается в том, что нигде и никогда до краха социализма не было приватизации *общенародной* собственности: это были вполне стандартные, юридически отработанные процессы перевода некоторых объектов *государственной* собственности, которые в условиях рынка функционировали в режиме частной собственности, в собственность отдельных лиц. Соответственно, и несправедливость таких процессов тоже была (если и была) совсем иного размаха, а последствия ее не были столь разрушительны для общества. И, наконец, характеристика теории как утопии с научной точки зрения вовсе не является уничижительной. Как пишет академик В.А. Лекторский, «любая значимая философская концепция всегда имела две ипостаси. С одной стороны, это была критика существующего положения дел... С другой сторо-

ны, это было построение определенного идеала... Представление идеала как осуществимого было формой утопии, ибо эмпирически тот или иной идеал не был реализован, хотя и мыслился философом либо как осуществимый в принципе, либо в качестве того, к чему можно приближаться» [Лекторский 2017, 141]. К сказанному можно добавить лишь, что философские концепции, предлагающие теоретически обоснованные проекты будущего, не только *имели*, но и *имеют* обе названные ипостаси.

В последние годы некоторые ведущие западные философы и социологи с сожалением отмечают неразвитость социальной утопистики как «трезвого предвидения трудностей и открытого придумывания альтернативных институциональных структур» [Валлерстайн 2003 web]. Анализируя причины такого положения дел в социологии, Э. Гидденс выделяет два обстоятельства. Первое связано с тем, что в социальной философии до недавнего времени доминировал ряд, как он выразился, «прорывочных» течений. «Если рынки, — пишет автор, — разрешают большинство проблем социальной жизни, включая социальную справедливость, сфера социальных факторов — главная для социологии область — соответственно сокращается» [Гидденс 2007, 5]. Вторая причина, по его мнению, — это как раз отсутствие «утопических проектов, которые придали бы направленность социальным реформам и мотивирующим их идеям» [Там же]. Но по мере того, как рыночный фундаментализм уходит со сцены, считает Э. Гидденс, создаются условия для возврата социально-философского творчества. А один из наиболее авторитетных современных критиков капитализма И. Валлерстайн в середине 1990-х гг. писал так: «Наша задача сегодня и на ближайшие пятьдесят лет — задача утопистики. Это задача — представить себе и, преодолевая преграды, попытаться создать этот новый социальный порядок. Ибо никоим образом не гарантировано, что конец одной неэгалитарной исторической системы подведет к лучшей системе» [Валлерстайн 2003 web]. И далее: «Мы должны вступить в громадный всемирный мультилог, ибо решения никоим образом не очевидны» [Там же]. К сожалению, у России, для которой эта проблема стоит особенно остро, нет в запасе нескольких десятилетий. Поэтому для нас поиск идей, способных диалектически снять основные противоречия современного социально-экономического развития страны, преодолеть социокультурный раскол, традиционно присущий российскому общественному сознанию, и создать предпосылки для легитимации постсоциалистического общественного устройства на общезначимых началах правовой справедливости, задачи уже сегодняшнего дня.

Примечания

¹ О политико-мировоззренческой нейтральности концепции базового основного дохода говорит уже тот факт, что ее приверженцами являются такие идейно разные исследователи, как Э. Фромм, обосновывавший идею подобного дохода с позиций марксистской теории отчуждения, идеолог экономического неолиберализма М. Фридман, для которого гарантированный государством доход — это средство сдерживания бюрократической экспансии со стороны социального государства, или британский социолог Г. Стендинг (автор книги «Прекариат — новый опасный класс»), считающий, что богатые могут и должны обеспечить всем остальным минимальные возможности для творческого развития.

² По классификации Всемирного банка российская приватизация, ставшая исходным пунктом основных постсоциалистических преобразований, обозначена как инсайдерская, что намного хуже так называемой макиавеллевской приватизации, которая проводится «политическими партиями правительства в интересах собственных сторонников и собственного электората» [Верховенство права 2010, 336].

³ Есть основания полагать, что это был хорошо продуманный со стороны определенной части руководства КПСС маневр. Показательно, что Л. Троцкий предвидел подобное развитие событий: в 1936 г. он записал в своем дневнике, что

сталинская номенклатура рано или поздно захочет превратить свои привилегии в частную собственность. Тем более что в период НЭПа был накоплен солидный опыт в этой области.

⁴ Ему даже удалось изложить основные идеи цивилизма Президенту РФ Б.Н. Ельцину во время встречи президента с юристами.

⁵ Интересно отметить, что на отторжение российским обществом идей, выражающих в концептированном виде концептуально оформленную идеологию, в свое время обратил внимание Д. Сорос. «Людам в России, — писал он, — не до универсальных идей. Они слишком заняты поиском своего места в жизни, их заботят проблемы выживания, и... они с полным правом могут сказать, что коммунизм тоже был универсальной идеей, вот, посмотрите, куда он привел нас» [Сорос 1998 web].

⁶ Так, Высокий суд Лондона, рассматривая один из эпизодов залоговых аукционов в рамках процесса «Б. Березовский против Р. Абрамовича», признал в своем решении (т.е. официально подтвердил в качестве юридически значимых фактов) наличие коррупционных отношений между Р. Абрамовичем и российскими властными структурами, отвечавшими за приватизацию и определявшими условия проведения залоговых аукционов, а также посредничество Б. Березовского в организации и осуществлении этих коррупционных отношений [Барщевский 2013, 936–941].

Источники и переводы — Primary Sources and Russian Translations

Маркс, Энгельс 1955 — *Маркс К., Энгельс Ф.* Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. М.: Издательство политической литературы, 1955 (Marx K. Das Kapital. Russian translation).
Ясперс web — *Ясперс К.* Истоки истории и ее цель // <http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%AF/yaspers-karl/smisl-i-naznachenie-istorii-sbornik/2> (Jaspers K. *Vom Ursprung und Ziel der Geschichte*. Russian translation).

Ссылки — References in Russian

Ахиезер 1997 — *Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта. В 2 т. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997.

Барщевский 2013 — *Барщевский М.* Счастливы неимущие. Судебный процесс «Березовский — Абрамович». Лондон, 2011–2012. М.: Новая газета, 2013. Т. 2.

Валлерстайн 2003 web — *Валлерстайн И.* После либерализма. М.: Едиториал УРСС, 2003 // http://rumagic.com/ru_zar/sci_philosophy/vallerstain/0/j39.html, Глава 7 «Конец какой современности?»

Вебер 2015 — *Вебер А.* Социальная справедливость и развитие // Свободная мысль. 2015. № 5. С. 95–108.

Верховенство права 2010 — Верховенство права и проблемы его обеспечения в правоприменительной практике. Изд. 2-е. М.: Статут, 2010.

Гидденс 2007 — *Гидденс Э.* К социологическому сообществу! // Социс. 2007. № 9. С. 4–5.

Демиденко 2017 — *Демиденко С.Ю.* Российское общество: взгляд в будущее (материалы «круглого стола») // Социс. 2017. № 6. С. 25–43.

Зорькин 2010 — *Зорькин В.Д.* Современный мир, право и Конституция. М.: Норма, 2010.

Исаев, Шмаков 2012 — *Исаев А., Шмаков М.* Три запроса к Путину // Московские новости. 2012. 4 сент.

Круглый стол 1979 — Круглый стол журнала «Советское государство и право» по теме «О понимании советского права» // Советское государство и право. 1979. № 7. С. 70–71.

Круглый стол 2017 web — Круглый стол «Основания, смыслы, способы социокультурной эволюции России в XXI столетии». Москва, ИФ РАН, 6 апреля 2017 г. // <http://iphgas.ru>.

Лапаева 2016 — *Лапаева В.В.* Право и правовое государство в постсоциалистической России: состояние и перспективы развития // Социс. 2016. № 7. С. 66–77.

Лекторский 2017 — *Лекторский В.А.* Зачем нужна сегодня философия // Вопросы философии. 2017. № 7. С. 140–146.

Межд. науч. конф. 2017 web – Международная научная конференция «Революция, эволюция и диалог культур» к 100-летию Года революций 14 и 16 ноября 2017 г. // https://iphgras.ru/16_17_10_17.htm.

Нерсесянц 1989 – *Нерсесянц В.С.* Закономерности становления и развития социалистической собственности // Вестник Академии наук СССР. 1989. № 9. С. 3–13.

Нерсесянц 1992 – *Нерсесянц В.С.* Наш путь к праву. От социализма к цивилизму. М.: Российское право, 1992.

Нерсесянц 2001 – *Нерсесянц В.С.* Национальная идея России во всемирно-историческом прогрессе равенства, свободы и справедливости. Манифест о цивилизме. М.: Норма, 2001.

Нерсесянц 2002 – *Нерсесянц В.С.* Философия права: либертарно-юридическая концепция // Вопросы философии. 2002. № 3. С. 3–15.

Нерсесянц 2006 – *Нерсесянц В.С.* Философия права / Учебник для вузов. Изд. 2. М.: Норма, 2006.

Романовский 2017 – *Романовский Н.В.* Круглый стол «1917 год: Революция и современность» // Соисс. 2017. № 9. С. 22–39.

Сорос 1998 web – *Сорос Д.* Может ли Россия показать миру путь к открытому обществу? (Речь на торжественной церемонии по случаю 10-летия Фонда Сороса в России). М.: Институт «Открытое общество», 1998 // <http://old.russ.ru/journal/inic/97-10-21/soros.htm>.

Урнов 2012 – *Урнов М.Ю.* Что есть справедливость? (Попытка анализа массовых представлений) // Общественные науки и современность. 2012. № 5. С. 71–88.

Четвернин 2009 – *Четвернин В. А.* Предисловие к Ежегоднику либертарно-юридической теории // Ежегодник либертарно-юридической теории, 2009. Вып. 2. С. 2–5.

Voprosy Filosofii. 2018. Vol. 7. P. 44–56

Socialism as a Regular Stage of the World-Historical Process: from the Standpoint of the Concept of Civilism of V. Nersesyants

Valentina V. Lapaeva

The article analyzes the concept of civilism worked out by V. Nersesyants (from the Latin “civis” – a citizen), in which the possibility of a non-capitalistic version of the law development of Russia (based on equality in freedom) after socialism is substantiated. It is shown that the concept of civilism considered as a new social system that could be formed on the basis of law desocialisation of socialist property, and which guarantees to each citizen an equal share of incomes from the capitalization of the ownership of the whole people, is the result of Hegelian dialectics application to the comprehension of the experience of real socialism. The theoretical possibility of a new form of ownership of the means of production – individual property (but not a private one, which by its nature can only be held by some) – and a new type of law- inherent and inalienable right on share in the common's property of all citizens of the country – opens prospects for the formation of civilism as a new social system, representing a dialectical synthesis of capitalism and socialism. It is substantiated that in the current difficult social and economic conditions generated by the non-law privatization of socialist property, the concept of civilism can become a reference point in concluding a «social contract» about property that can create the prerequisites for the legitimation of the postsocialist social system on the universally valid foundation of the justice.

KEY WORDS: socialism, capitalism, civilism, private property, individual property, the principle of formal equality, law, freedom, justice.

LAPAEVA, Valentina V. – DSc in Law, Chief Researcher, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

lapaeva07@mail.ru

Received at February 14, 2018.

Citation: Lapaeva Valentina V. (2018) “Socialism as a Regular Stage of the World-Historical Process: from the Standpoint of the Concept of Civilism of V. Nersesyants”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 7 (2018), pp. 44-56.

DOI: 10.31857/S004287440000222-9

References

- Akhiezer, Alexander S. (1997) *Russia: Criticism of Historical Experience*, Sibirskiy Khronograf, Novosibirsk (in Russian).
- Barshchevsky, Michael A. (2013) *Happy are the Poor. The Trial «Berezovsky-Abramovich»*, Novaya Gazeta, Moscow (in Russian).
- Chetvernin, Vladimir A. (2009) “Preface to the Yearbook of the Libertarian-Legal Theory”, *Yearbook of the Libertarian-Legal Theory*, Issue 2 (2009), pp. 2–5 (in Russian).
- Demidenko, Svetlana Ju. (2017) ‘Russian Society: a Look into the Future (materials of the "Round table")’, *Socis*, Vol. 6 (2017), pp. 25–43 (in Russian).
- Giddens, Anthony (2006) “A Call to Arms”, *Gardian*, 26. Nov. 2006 (Russian translation).
- International Scientific Conference “Revolution, Evolution and Dialogue of Cultures” to the 100-th Anniversary of the Year of Revolutions” (2017), https://iphras.ru/16_17_10_17.htm. (in Russian).
- Isaev, Andrei K., Shmakov, Michael V. (2012) “Three Requests to Putin” *Moscow News*, 09.04.2012 (in Russian).
- Lapaeva, Valentina V. (2016) “Law and the Rule of Law in Post-Socialist Russia: the State and Development Prospect”, *Socis*, 2016. Vol. 7 (2016), pp. 66–77 (in Russian).
- Lectorsky, Vladislav A. (2017) “What is the Need for Philosophy Today?”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 7 (2017), pp. 140–146 (in Russian).
- Nersesyants, Vladic S. (1989) “Regularities of Formation and Development of the Socialist Property”, *Bulletin of the Academy of Sciences of the USSR*, Vol. 9 (1989), pp. 3–13 (in Russian).
- Nersesyants, Vladic S. (1992) *Our Path to Law. From Socialism to Civilism*, Rossijskoe Pravo, Moscow (in Russian).
- Nersesyants, Vladic S. (2001) *The Civilism Manifesto: the National Idea of Russia in the Historical Progress of Equality, Freedom and Justness*, Norma, Moscow (in Russian).
- Nersesyants, Vladic S. (2002) “Philosophy of Law: Libertarian-Law Concept”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 3 (2002), pp. 3–15 (in Russian).
- Nersesyants, Vladic S. (2006) *Philosophy of Law, Textbook for high schools*, Norma, Moscow (in Russian).
- Romanovsky, Nicholas V. (2017) “Round Table "1917: Revolution and the Present”, *Socis*, Vol. 9 (2017), pp. 22–39 (in Russian).
- ‘Round Table of the Journal "State and Law" on the topic "Understanding of the Soviet Law"’ (1979), *State and Law*, Vol. 7 (1979), pp. 70–71 (in Russian).
- Round Table "Foundations, Meanings, Ways of Sociocultural Evolution of Russia in the XXI century" (2017), IFRAN, Moscow (in Russian).
- The Rule of Law and the Problems of its Realization in Law Enforcement Practice* (2010), Statut, Moscow (in Russian).
- Soros, George (1998) *Speech at a Solemn Ceremony on the Occasion of the 10-th anniversary of the Soros Foundation in Russia*, Moscow (in Russian).
- Urnov, Mark Ju. (2012) “What is Justice? (An Attempt to Analyze Mass Representations)”, *Social Sciences and Contemporary World*, Vol. 5 (2012), pp. 71–88 (in Russian).
- Wallerstein, Immanuel M. (1995) *After Liberalism*, New Press, N.-Y (Russian translation).
- Weber, Alexandr (2015) “Social Justice and Development” *Svobodnaya Mysl*, Vol. 5 (2015), pp. 95–108 (in Russian).
- Zorkin, Valery D. (2010) *Modern World, Law and the Constitution*, Norma, Moscow (in Russian).